

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17042

EDN: EAZEUU

Чеховские Ставрогины: Николай Ставрогин как литературный прототип героев раннего Чехова

С. А. Кибальник

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Аннотация. Исследователи творчества Чехова уже обнаружили в его ранних произведениях («На большой дороге», «Безотцовщина») «отзвук» некоторых героев Достоевского — например, Парфена Рогожина из романа «Идиот». Между тем таких «отзвуков» у Чехова гораздо больше. В статье показано, что с образом Николая Ставрогина («Бесы») связаны герой чеховской пьесы «Безотцовщина» Платонов и Камышев из романа «Драма на охоте». Прегрешения Платонова по сравнению со ставрогинскими выглядят гораздо скромнее, а в случае с Камышевым черты героя «Бесов» сконтаминированы с приметам «подпольного парадоксалиста», Раскольникова, Ивана Карамазова — и даже Паратова («Бесприданница» А. Н. Островского). Однако это характерно для раннего Чехова, тем более что он находил в произведениях Достоевского «много претензий» и искал свой собственный художественный почерк. В зрелом творчестве Чехова его безразличные ко всему эгоцентрики: Андрей Прозоров и Чебутыкин («Три сестры»), Цыбукин («В овраге») — отсылают уже не столько конкретно к Ставрогину, сколько к инварианту его равнодушных к окружающим и потому исповедующих нравственный релятивизм героев — таких как Ставрогин, Иван Карамазов и герой «Сна смешного человека» в первой половине этого рассказа.

Ключевые слова: Чехов, Достоевский, Ставрогин, литературный прототип, «Безотцовщина», «Бесы», «Драма на охоте», пьеса, роман, проза

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические "пересечения", критическая рецепция и интертекстуальные связи», <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Кибальник С. А. Чеховские Ставрогины: Николай Ставрогин как литературный прототип героев раннего Чехова // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 246–260. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17042. EDN: EAZEUU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17042

EDN: EAZEUU

Chekhov's Stavrogins: Nikolay Stavrogin as a Literary Prototype of the Early Chekhov's Characters

Sergey A. Kibalnik

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Abstract. Many researchers of Chekhov's work have already discovered in his early works ("On the High Road," "Fatherlessness") the "echo" of some of Dostoevsky's characters — for example, Parfyon Rogozhin from the novel "The Idiot." Meanwhile, Chekhov has many more such "echoes." The article shows that Platonov and Kamyshev, the heroes of Chekhov's play "Fatherlessness" and the novel "Drama on the Hunt," are associated with the image of Nikolai Stavrogin ("Demons"). Platonov's transgressions look much more modest in comparison with Stavrogin's, and in the case of Kamyshev, the features of the hero of "Demons" are combined with the signs of the "underground paradoxalist," Raskolnikov, Ivan Karamazov, and even Paratov ("The Girl Without a Dowry" by A. N. Ostrovsky). However, this is typical of early Chekhov, especially since he found "a lot of pretensions" in Dostoevsky's works and was looking for his own artistic style. In Chekhov's mature work, his characters' egocentric indifference to everything: Andrey Prozorov and Chebutykin ("Three Sisters"), Tsybukin (In the Ravine) — refer not so much specifically to Stavrogin as to the invariant of his characters who are indifferent to others and therefore profess moral relativism — such as Stavrogin, Ivan Karamazov and the hero of "The Dream of a Ridiculous Man" in the first half of this short story.

Keywords: Chekhov, Dostoevsky, Stavrogin, literary prototype, "Fatherlessness", "Demons", "Drama on the Hunt", play, novel, prose

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences).

For citation: Kibalnik S. A. Chekhov's Stavrogins: Nikolay Stavrogin as a Literary Prototype of the Early Chekhov's Characters. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 2, pp. 246–260. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17042. EDN: EAZEUU (In Russ.)

1

Исследователи уже не раз показывали, что у некоторых чеховских героев есть прямые литературные прототипы в произведениях Достоевского. Например, пьеса Чехова «Три сестры» рассматривалась как своего рода гипертекст романа Достоевского «Идиот»: в образе «трех сестер» Прозоровых проглядывают сестры Епанчины, а в бароне Тузенбахе — князь Мышкин (см.: [Кибальник, 2025]). Соответственно, в Соленом при таком подходе можно увидеть чеховскую «реплику» на образ Рогожина.

Таких переосмысленных «Рогожиных» исследователи творчества Чехова находили и в раннем творчестве писателя. Так, А. Г. Головачева видит аналогичный гипертекст романа Достоевского «Идиот» в драматическом этюде Чехова «На большой дороге» (1884). Она усматривает в нем «своеобразное перераспределение позиций и ролей Рогожина, князя Мышкина и Настасьи Филипповны» [Головачева: 313]. Отсылающего к Рогожину героя исследовательница не без оснований видит и в чеховской пьесе «Безотцовщина». Это бродяга и конокрад Осип, едва не убивающий ножом — как Рогожин Мышкина — ее главного героя Платонова [Головачева].

Как и Рогожин (да и как Мышкин), Осип — это образ, который в конечном счете восходит к Арману Дювалю из романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями». Как Арман в Маргерит Готье, а Рогожин и Мышкин (впрочем, только в начале романа) — в Настасью Филипповну, Осип страстно влюблен в молодую вдову-генеральшу Анну Петровну Войницеву. Соответственно, главный герой «Безотцовщины» «сельский учитель» [Чехов. Сочинения; т. 11: 6] Михаил Васильевич Платонов, по всей видимости, должен бы оказаться в роли князя Льва Николаевича Мышкина. Тем более что в начале романа тот предстает перед нами как человек, подружившийся с детьми где-то в Швейцарии в сельской местности. Между тем в остальном Платонов на Мышкина совсем не похож.

Впрочем, как я уже показывал на материале романа «Драма на охоте» (см.: [Кибальник, 2015: 57–86]), ранний Чехов не просто воспроизводит каких-то отдельных героев Достоевского, а, как правило, создает их контаминации. Так, например, его герой

Каэтан Пшехоцкий — это не только в какой-то степени пан Мусьялович из «Братьев Карамазовых» [Назирова: 162], но и в то же время отчасти Де-Грие из «Игрока»¹. Ощущая принадлежность всех этих героев Достоевского к одному и тому же типу дельца и мошенника, Чехов придает Каэтану Пшехоцкому черты то одного, то другого. Аналогичным образом граф Карнеев соединяет в себе черты «генерала» из «Игрока» и князя К. из «Дядюшкиного сна», а Ольга и вовсе вызывает ассоциации то с Лизой из «Записок из подполья» и Марьей Тимофеевной из «Бесов», то — с Катериной из «Грозы» и Ларисой из «Бесприданницы» А. Н. Островского [Кибальник, 2015: 63–64].

Сложнее всего обстоит дело с главными героями «Драмы на охоте» и «Безотцовщины». В разных сюжетных положениях они оказываются соотнесены с разными героями Достоевского.

2

Так, герой «Драмы на охоте» Камышев предстает перед нами то как «подпольный парадоксалист», то как Иван Карамазов, то как Паратов из «Бесприданницы» [Кибальник, 2015: 65–66]. А в финале, роль скоро редактор газеты, от лица которого ведется повествование, ознакомившись с рукописью Камышева, объявляет ему — на манер Порфирия Петровича, — что он и есть убийца [Чехов. Сочинения; т. 3: 409–410], то отчасти даже и как Раскольников [Кибальник, 2015: 68–69].

Однако главный литературный прообраз Камышева — это, несомненно, Ставрогин. Эту мысль впервые высказал еще Р. Г. Назирова. Он приводит обширную цитату из «Драмы на охоте» — монолог доктора Павла Ивановича Вознесенского (прозванного «щуром»), обращенный к Камышеву:

«— Дай Бог, чтобы я заблуждался, но мне кажется, что вы немножко психопат. У вас иногда, вопреки воле и направлению вашей хорошей природы, вырываются такие желания и поступки, что все знающие вас за порядочного человека становятся в тупик... Диву даешься, как это ваши высоконравственные принципы, которые я имею честь знать, могут уживаться с теми вашими внезапными побуждениями, которые в исходе дают кричащую

¹ Ну, а Созя — это, соответственно, реинтерпретация mademoiselle Blanche (см.: [Кибальник, 2015: 67–68]).

мерзость! Какой это зверь? — обратился вдруг Павел Иванович к торговцу, переменяя тон и поднося к глазам деревянного зверя с человеческим носом, гривой и серыми полосами на спине. — **Лев**, — зевнул продавец. — **А може, и другая какая тварь**. Шут их разберет!» (здесь и далее выделено полужирным мной. — С. К.) [Чехов. Сочинения; т. 3: 299].

И комментирует ее следующим образом: «Характеристика, данная Павлом Ивановичем, внушает мысль о сходстве Камышева с протагонистом романа "Бесы" — Ставрогиним. И перебивка этой характеристики разговором о смешной деревянной игрушке не случайна: это иронический авторский комментарий к описанию противоречий природы Камышева. Он не то лев, не то "другая какая тварь", а впрочем — "шут их разберет"; не случайно и то, что продавец при этом зевнул. Чехов тайно иронизирует над психологизмом уездного врача, словно говоря: так ли уж интересна душевная сложность мерзавца? В конечном счете, стрела этой иронии задевает Достоевского» [Назиров: 163–164].

Исходя из этого, исследователь делает следующий вывод: «"Драма на охоте" являет нам прием снижающей парафразы сцен Достоевского, трансформации его мотивов — в богатой бытовой живописи, Достоевскому не свойственной. Но главное при этом — снижение, которое имеет форму прозаической точности и дедрамматизации. Так, Камышев — это **полнокровный, здоровый и физически вполне цветущий "вариант" ставрогинского типа**» [Назиров: 164].

Действительно, Камышев даже внешне чрезвычайно похож на повзрослевшего Ставрогина:

«Он, как я уже сказал, высок, широкоплеч и плотен, как хорошая рабочая лошадь. Все его тело дышит здоровьем и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая, волосы густы, как у здорового мальчика. Ему под сорок. Одет он со вкусом и по последней моде в новенький, недавно сшитый триковый костюм. На груди большая золотая цепь с брелоками, на мизинце мелькает крошечными яркими звездочками бриллиантовый перстень. Но, что главнее всего и что так немаловажно для всякого мало-мальски порядочного героя романа или повести, — **он чрезвычайно красив**» [Чехов. Сочинения; т. 3: 241–242].

Причем Чехов убирает противоречивость внешности Ставрогина — во всяком случае по сравнению с тем, как она описана повествователем «Бесов» вначале:

«...казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен», «...прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно "походило на маску", как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества» [Достоевский: 37, 145].

Он сразу берет за основу то впечатление, которое сложилось у повествователя «Бесов» позднее:

«Теперь же, — теперь же, не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску» [Достоевский: 145].

Как и Достоевский, Чехов наделяет Камышева большой физической силой:

«Не много нужно усилий моему герою, чтобы согнуть подкоvu или сплющить в кулаке коробку из-под сардинок, а между тем ни одно его движение не выдает в нем физически сильного. <...> Глядя на него, забываешь, что он могуч, как Голиаф, что одной рукой может поднять он то, чего не поднять пяти редакционным Андреем. Глядя на его легкие движения, не верится, что он силен и тяжел» [Чехов. Сочинения; т. 3: 242–243].

«Такой же красавец и силач!» [Чехов. Сочинения; т. 3: 256] — восклицает граф Карнеев при новой встрече с Камышевым. У Достоевского о силе Ставрогина лишь упоминается:

«...впрочем, многое говорили, между прочим, и о чрезвычайной телесной его силе» [Достоевский: 37].

Однако в дальнейшем читатель сможет сам убедиться в силе Ставрогина, перед которым даже Федька Каторжный ощущает себя как «нечто вроде соломинки» [Достоевский: 220]. При этом более отчетливая критическая дистанция по отношению к своему герою сказывается у Чехова в том, что при большой физической силе он наделен «женственностью»:

«Ни выражение лица, ни борода — ничто так не мягко и не нежно в господине с кокардой, как движения его большого, тяжелого тела.

В этих движениях сквозят воспитанность, легкость, грация и даже — простите за выражение — некоторая женственность» [Чехов. Сочинения; т. 3: 242–243].

Сходство Камышева со Ставрогиным также проявляется в том, что с окружающими он ведет себя довольно вызывающе. Так, Камышев внезапно прекращает свои ухаживания за Надей Калининой, и его уговаривает жениться на ней «щур», который в этом отношении чрезвычайно напоминает Маврикия Николаевича Дроздова (см.: [Кибальник, 2023: 15–17]). Это, конечно, далеко не «невозможные дерзости» [Достоевский: 38] Ставрогина по отношению к губернатору Ивану Осиповичу и жене Липутина и уж тем более не его женитьба на Хромоножке, но тоже нечто в этом роде.

В то же время именно Камышев в конце концов убивает во время охоты Ольгу. Что касается Ставрогина, то он у Достоевского свою законную жену не убивает, а лишь фактически дает молчаливое согласие на ее убийство Федькой Каторжным. Вдобавок Ольга, в отличие от Марьи Тимофеевны Лебядкиной, была не женой, а любовницей Камышева². Это, конечно, отличия, но не такие уж существенные. Во всяком случае общего сходства в поведении героев они не отменяют.

3

Именно на Ставрогина, а вовсе не на Мышкина — как можно было бы предположить, исходя из того, что чеховский Осип соотнесен с Рогожиным, — похож в первую очередь и чеховский Платонов. В начальных главах «Бесов» приезда Ставрогина с нетерпением ждут в доме его матери. Аналогичным образом Платонова в «Безотцовщине» с самого начала ожидают в имении генеральши Анны Петровны. Сама она тем временем ставит перед собравшимися вопрос о нем: «Герой или не герой?». Отвечая на него, Глагольев 1-й называет Платонова «нашим умнейшим Платоновым» и говорит, что «его грешно не уважать» [Чехов. Сочинения; т. 11: 16]. Правда, в то же время он объявляет

² Впрочем, в какой-то момент сам Камышев воспринимал ее как свою жену: «Я прижал к себе "девушку в красном", которая фактически была теперь моей женой...» [Чехов. Сочинения; т. 3: 326].

его «лучшим выразителем **современной неопределенности**» [Чехов. Сочинения; т. 11: 16].

Однако ведь Ставрогин окончательной редакции «Бесов» — это тоже достаточно неопределенный, загадочный герой. После исключения из текста романа главы «У Тихона» он проявляет себя на его страницах в основном с положительной стороны: хладнокровно выстаивает под выстрелами Гаганова-младшего, предупреждает об опасности Шатова, решительно любим всеми окружающими — причем не только женщинами: Марьей Шатовой, Лизой Тушиной, Дарьей Павловной, — но и мужчинами: Шатовым, Кирилловым, Верховенским-младшим.

Отказавшись в отдельном издании романа от восстановления главы «У Тихона», Достоевский как раз и придал характеру Ставрогина некоторую неопределенность. Ведь о его прегрешениях теперь говорится не особо утвердительно, да вдобавок в основном не повествователем, а другими героями, либо повествователем, но с чужих слов:

«...рассказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысаками людях, о зверском поступке с одною дамой хорошего общества, с которою он был в связи, а потом оскорбил ее публично. Что-то даже слишком уж откровенно грязное было в этом деле. Прибавляли сверх того, что он какой-то бретер, привязывается и оскорбляет из удовольствия оскорбить»; «...скоро было получено роковое известие, что принц Гарри имел почти разом две дуэли, кругом был виноват в обеих, убил одного из своих противников наповал, а другого искалечил и вследствие таковых деяний был отдан под суд» [Достоевский: 36].

Самые серьезные обвинения предъявлены Ставрогину Шатовым:

«А правда ли, что вы, — злобно ухмыльнулся он, — правда ли, что вы принадлежали в Петербурге к скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркиз де Сад мог бы у вас поучиться? Правда ли, что вы заманивали и развращали детей?» [Достоевский: 201].

Но ведь последнее из них Ставрогин отрицает, а подтверждения справедливости большинства из шатовских обвинений, которое содержалось в главе «У Тихона», в окончательной редакции романа нет.

Некоторые ассоциации со Ставрогиным Платонов вызывает и в дальнейшем. Он ведет себя вызывающе: издевается над дурочкой Грековой, пытается выгнать из дома генеральши владельца кабаков Венгеровича 1-го и т. п. Впрочем, в целом прегрешения Платонова по сравнению со ставрогинскими выглядят гораздо скромнее: он соблазняет жену Войницева Софью Егоровну; хотя и не без некоторого сопротивления, но все же изменяет своей жене с «генеральшей». Однако так ведь и должно быть у Чехова, коль скоро он находил в произведениях Достоевского «много претензий» [Чехов. Письма; т. 3: 169].

То и дело произносятся верные вещи и призывая Трилецкого соблюдать хоть какие-нибудь «правила», сам Платонов ведет себя прямо противоположным образом — особенно во второй половине пьесы. И тем самым как бы подтверждает свой собственный диагноз:

«...что поделаешь? Характер — стихия, а **бесхарактерность и подавно...**» [Чехов. Сочинения; т. 11: 49].

Правда, в его собственных автохарактеристиках звучат и моменты, скорее сближающие его с Обломовым:

«Я **лежачий камень**», «Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же — не предвижу перемены! — там дальше **жирное халатничество**, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь!» [Чехов. Сочинения; т. 11: 34, 85].

Однако разнuzданности Ставрогина в Платонове второй половины пьесы это не отменяет.

Герой «Бесов», как верно отзывается о нем Шатов, «**потерял различие зла и добра**» [Достоевский: 202]. В собственной формулировке Ставрогина эта его черта выглядит так:

«...могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие» [Достоевский: 514].

Чеховский Платонов как будто бы такого различия не теряет, но ведет себя так, словно тоже его потерял. Поступает он так скорее по слабости характера. Однако и поведение Ставрогина

Кириллов объясняет тем, что тот «не сильный человек» [Достоевский: 228].

Впрочем, в обрисовке Платонова есть детали, которые сближают его и с самим Кирилловым. Такова, например, реплика Платонова Венгеровичу 2-му, который относит его к «современным Чацким»: вы, дескать, «не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь» [Чехов. Сочинения; т. 11: 50]. «Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть этакое маленькое соображение...» — говорит ему в ответ Платонов [Чехов. Сочинения; т. 11: 50]. Ср. слова Кириллова Верховенскому-младшему в ответ на его реплику «не вы съели идею, а вас съела идея» [Достоевский: 426]: «А не я съел идею? Это хорошо. У вас есть маленький ум» [Достоевский: 427]. Это, конечно, уже детали, идущие не от Ставрогина. Однако они также поддерживают при чтении «Безотцовщины» ассоциации с «Бесами» — уже в более общем плане.

4

Возникает вопрос, есть ли отзвуки Ставрогина в позднем творчестве Чехова. Такие герои-декаденты в нем, пожалуй, уже больше не встречаются. Представление о привлекательности зла было успешно преодолено еще молодым Чеховым, что выразилось и в «Драме на охоте», и в «Безотцовщине». В то же время зрелый Чехов отказывается и от представления о неопределенности характера современного человека. Так что если у него появляются отрицательные герои — такие как Андрей Прозоров, Чебутыкин и Солёный («Три сестры»), Цыбукин («В овраге»), — то они, с одной стороны, отнюдь не демонические³, а с другой — вполне определенно представлены в отрицательном свете⁴.

Американские исследователи А. Дуркин и С. Евдокимова обратили внимание на то, что в целом ряде своих произведений — например в «Палате № 6» и «Трех сестрах» — Чехов сходится с Достоевским в «отрицании философии безразличия, которое у последнего ярко проявилось в Иване Карамазове и в герое

³ Это верно и применительно к Солёному, в котором есть скорее претензия на демонизм.

⁴ См. мою критику распространенного представления о неопределенности чеховских героев: [Кибальник, 2024b].

"Сна смешного человека"» [Durkin: 55]⁵. Так, С. Евдокимова справедливо отмечает, что «Чехов строит свою пьесу (а также повесть "Палата № 6") в первую очередь так, чтобы осознание губительности философии "все равно" наступило у читателя и зрителя. Герой Достоевского, "смешной человек", проповедует открывшуюся ему "истину". Ни чеховские герои, ни сам Чехов ничего не проповедуют» [Евдокимова: 332]. Однако именно по этой причине более близкой, чем «смешной человек», параллелью к чеховским героям был как раз Иван Карамазов, который, как и они, тоже ничего не проповедует и даже ни в чем не раскаивается.

Причем речь здесь может идти не только о Рагине и Чебутыкине, но и о Николае Степановиче из «Скудной истории», профессоре Серебрякове из «Дяди Вани», Ионыче, докторе Старченко из рассказа «По делам службы» — то есть о целом ряде героев Чехова, которые внутренне связаны с впечатлениями от его общения с А. С. Сувориным (см.: [Кубасов], [Кибальник, 2021, 2024a]). Однако чеховские безразличные ко всему эгоцентрики, разумеется, отчасти отсылают и к первому абрису такого героя — Николаю Ставрогину, который, как Иван Карамазов и «смешной человек» в начале рассказа, равнодушен к окружающим и потому исповедует нравственный релятивизм.

Таким образом, герои позднего Чехова отсылают уже не столько к конкретным образам Достоевского, сколько к своеобразным инвариантам его героев — то есть к созданным им типам. При этом характер трансформации этих типов в позднем творчестве Чехова гораздо более значительный. Это уже чисто чеховские герои, в отдаленном генезисе которых только угадываются очертания бессмертных типов Достоевского.

⁵ Применительно к «Братьям Карамазовым» эту мысль впервые высказал А. Дуркин [Durkin], а С. Евдокимова всего лишь распространила его мысль на, безусловно, связанный с романом Достоевского «Сон смешного человека». При этом она попыталась затемнить это обстоятельство посредством риторической манипуляции: «... даже такой тонкий читатель Чехова, как А. Дуркин в своей статье "Отклик Чехова на Достоевского: случай «Палаты № 6», говоря о многочисленных аллюзиях рассказа Чехова на "Братьев Карамазовых", совершенно пропускает текст, который, как мне представляется, является идеологическим ядром рассказа, а именно "Сон смешного человека"» [Евдокимова: 328]. Отметим попутно, что «Палата № 6» — повесть, а не рассказ.

Список литературы

1. Головачева А. Г. «Достоевский» след в творчестве Чехова // Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3–5 октября 2016 г.): сб. науч. работ / редкол.: В. В. Гульченко (науч. ред.) [и др.]. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. С. 309–321 [Электронный ресурс]. URL: <http://allchekhov.ru/wp-content/uploads/2023/08/chehov-i-dostoevskij-2017.pdf?ysclid=mp-6nxxff9w987085508> (10.01.2026).
2. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1974. Т. 10 / текст подгот. Н. Ф. Буданова. 522 с.
3. Евдокимова С. Б. Симпатические чернила Чехова (Достоевский?) // Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3–5 октября 2016 г.): сб. науч. работ / редкол.: В. В. Гульченко (науч. ред.) [и др.]. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. С. 322–338 [Электронный ресурс]. URL: <http://allchekhov.ru/wp-content/uploads/2023/08/chehov-i-dostoevskij-2017.pdf?ysclid=mp-6nxxff9w987085508> (10.01.2026).
4. Кибальник С. А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. Статьи, очерки, заметки. СПб.: Петрополис, 2015. 312 с. (Сер.: Новая и старая русская классика.) EDN: XGNZHZ
5. Кибальник С. А. Доктор Чебутыкин и издатель Суворин (о криптопоэтике чеховских «Трех сестер») // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 142–154 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovorggu.ru/index.php/journal/article/view/764/655> (10.01.2026). DOI: 10.54770/20729316_2021_3_142. EDN: VQHWEQ
6. Кибальник С. А. «Мнимый доктор» в русской литературе XIX века // Русская литература. 2023. № 4. С. 12–19 [Электронный ресурс]. URL: https://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2023/10/02_Kibalnik_12-19.pdf (10.01.2026). DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-12-19. EDN: QCZCIC
7. Кибальник С. А. «Литература, которая учит, как бежать из тюрьмы»: Доктора в прозе Чехова 1890-х годов // Русская литература. 2024. № 2. С. 148–156 [Электронный ресурс]. URL: https://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2024/06/12_Kibalnik_148-156.pdf (10.01.2026). DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-148-156. EDN: GPTJTG (a)
8. Кибальник С. А. Чехов и бахтинская традиция интерпретации его творчества // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Вып. 2. Т. 2. С. 51–64 [Электронный ресурс]. URL: <https://filolnauki.ru/ru/archive/2038/4647> (10.01.2026). DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.051. EDN: QVGSKH (b)
9. Кибальник С. А. Тайна барона Тузенбаха (Чехов и Достоевский) // Универсалии русской литературы. 9: сб. ст. / гл. ред. А. А. Фаустов. Воронеж: ВГУ, 2025. С. 124–134.
10. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

11. Назиров Р. Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. Уфа: БашГУ, 2005. С. 159–168.
12. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Г. А. Бялый, А. С. Мясников, Л. Д. Опульская (зам. гл. ред.), А. И. Ревякин, М. Б. Храпченко. М.: Наука, 1974–1983.
13. Durkin A. R. Chekhov's Response to Dostoevsky: The Case of "Ward Six" // *Slavic Review*. 1981. Vol. 40. No. 1 (Spring). P. 49–59. DOI: 10.2307/2496427

References

1. Golovacheva A. G. The Trace of Dostoevsky in Chekhov's Works. In: *Chekhov i Dostoevskiy. Po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chteniy (Saratov, 3–5 oktyabrya 2016 g.): sbornik nauchnykh rabot [Chekhov and Dostoevsky. Based on the Materials of the Fourth International Skaftymov Readings (Saratov, October 3–5, 2016): Collection of Scientific Papers]*. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2017, pp. 309–321. Available at: <http://allchekhov.ru/wp-content/uploads/2023/08/chehov-i-dostoevskij-2017.pdf?ysclid=mp6nxxff9w987085508> (accessed on January 10, 2026). (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. "Demons". In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 10. 522 p. (In Russ.)
3. Evdokimova S. B. Chekhov's invisible ink (Dostoevsky?). In: *Chekhov i Dostoevskiy. Po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chteniy (Saratov, 3–5 oktyabrya 2016 g.): sbornik nauchnykh rabot [Chekhov and Dostoevsky. Based on the Materials of the Fourth International Skaftymov Readings (Saratov, October 3–5, 2016): Collection of Scientific Papers]*. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2017, pp. 322–338. Available at: <http://allchekhov.ru/wp-content/uploads/2023/08/chehov-i-dostoevskij-2017.pdf?ysclid=mp6nxxff9w987085508> (accessed on January 10, 2026). (In Russ.)
4. Kibal'nik S. A. *Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta. Stat'i, ocherki, zametki [Chekhov and Russian Classics: Intertext Problems. Articles, Essays, Notes]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2015. 312 p. (Ser.: New and Old Russian Classics.) EDN: XGNZHZ (In Russ.)
5. Kibal'nik S. A. Doctor Chebutykin and the Editor Suvorin (on the Cryptopoetics of Chekhov's "Three Sisters"). In: *Novyy philologicheskiiy vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2021, no. 3 (58), pp. 142–154. Available at: <https://slovorggu.ru/index.php/journal/article/view/764/655> (accessed on January 10, 2026). DOI: 10.54770/20729316_2021_3_142. EDN: BQHWEQ (In Russ.)

6. Kibal'nik S. A. "The Fake Doctor" in the 19th Century Russian Literature. In: *Russkaya literatura*, 2023, no. 4, pp. 12–19. Available at: https://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2023/10/02_Kibalnik_12-19.pdf (accessed on January 10, 2026). DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-12-19. EDN: QCZCIC (In Russ.)
7. Kibal'nik S. A. "Literature that Teaches How to Escape from the Prison": Doctors in the Prose of A. P. Chekhov of the 1890s. In: *Russkaya literatura*, 2024, no. 2, pp. 148–156. Available at: https://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2024/06/12_Kibalnik_148-156.pdf (accessed on January 10, 2026). DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-148-156. EDN: GPTJTJ (In Russ.) (a)
8. Kibal'nik S. A. Chekhov and the Bakhtin Tradition of Interpreting His Works. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education]*, 2024, issue 2, vol. 2, pp. 51–64. Available at: <https://filolnauki.ru/ru/archive/2038/4647> (accessed on January 10, 2026). DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.051. EDN: QVGSKH (In Russ.) (b)
9. Kibal'nik S. A. The Mystery of Baron Tuzenbakh (Chekhov and Dostoevsky). In: *Universalii russkoy literatury. 9: sbornik statey [Universals of Russian Literature. 9: A Collection of Articles]*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2025, pp. 124–134. (In Russ.)
10. Kubasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii [Chekhov's Prose: The Art of Stylization]*. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 1998. 399 p. (In Russ.)
11. Nazirov R. G. Dostoevsky and Chekhov: Continuity and Parody. In: *Nazirov R. G. Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let: sbornik statey [Nazirov R. G. Russian Classical Literature: A Comparative Historical Approach. Studies of Different Years: A Collection of Articles]*. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 159–168. (In Russ.)
12. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh. Sochineniya: v 18 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols. Writings: in 18 Vols. Letters: in 12 Vols]*. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)
13. Durkin A. R. Chekhov's Response to Dostoevsky: The Case of "Ward Six". In: *Slavic Review*, 1981, vol. 40, no. 1 (Spring), pp. 49–59. DOI: 10.2307/2496427. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская набережная, 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Sergey A. Kibalnik, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); Professor, St. Petersburg State University (Universitetskaya naberezhnaya 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.03.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.03.2026

Принята к публикации / Accepted 22.03.2026

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026